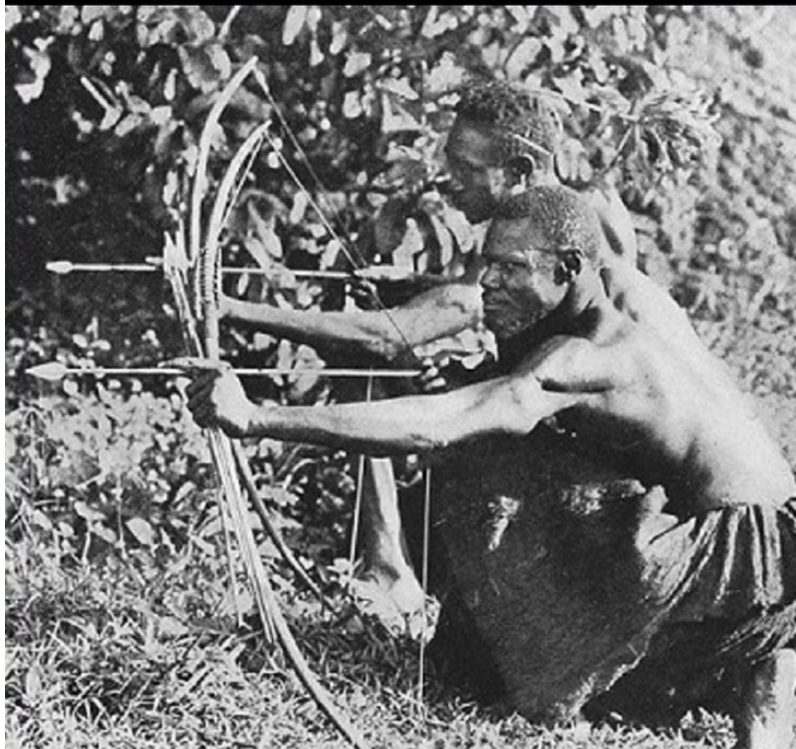

Реджинальд Купер
*Как я охотился и охотились
за мной в Бельгийском Конго*

Часть I

Реджинальд Купер
Как я охотился
и охотились за мной
в Бельгийском Конго. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798505

ISBN 9785005665225

Аннотация

Автор в 1910 году совершил охотничью экспедицию в тропические леса бассейна реки Конго. Книга повествует не только о приключениях англичанина в Центральной Африке, но и описывает быт и нравы диких племен, обитавших там в начале двадцатого века.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Предисловие автора	10
Глава I	22
Глава II	42
Глава III	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Как я охотился
и охотились за мной
в Бельгийском Конго
Часть I**

Реджинальд Купер

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Реджинальд Купер, 2022

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-6522-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переводчика

Реджинальд Купер в своей книге описывает пережитые приключения в Уганде и Конго во время своей охотничьей экспедиции в 1910 году по малоисследованным районам Африки

Начав свое путешествие в португальском Мозамбике, автор, сначала на пароходе, а затем на поезде, добрался до озера Виктория. Весь этот путь с многочисленными остановками в экзотических портах и не менее экзотических станциях единственной в то время железной дороги, Купер описывает в деталях и с некоторой долей юмора. На озере Виктория, автору пришлось попрощаться с цивилизацией и дальше продолжить путь вглубь Африки с караваном из трех десятков чернокожих носильщиков. Маршрут проходил по территориям, куда редко ступала нога белого человека.

Сам автор вел жизнь, как он сам определил, «человека перекати-поле», о чем пишет:

«Годы, которые предшествовали моим поездкам в Центральную Африку, прошли под небом многих стран.

Я работал на фабрике по производству цианидов, шахтером на южноафриканских золотых рудниках, работником типографии, клерком на почте в Басутоленде, учеником машиниста на Южно-Африканской железной дороге, камен-

щиком, шорником и так далее, в различных частях Мира.

Я работал на ферме, делал гробы, помогал на похоронах и свадьбах, и пережил неприятности в Зулуленде в 1906 году. Совсем недавно я был атакован слонами и ранен людоедами, засевишими в засаде.

Я довольно много путешествовал по Австралии, храню воспоминания о дальневосточных храмах, чайных и коричневых садах Цейлона, тростниковых лесах, коралловых берегах и лагунах южных морей, индийских базарах, узкие улицы которых пахнут пестрой толпой, одетой в разноцветную одежду.

Где бы я ни оказался, я ухожу с шоссе на проселочные дороги, на неизведанную тропу, так что мое знание мира и его жителей – это не просто то, что я видел со ступеней отеля, из салона спального вагона, или с палубы роскошно оборудованного парохода.

Обстоятельства заставляли меня жить среди людей практически всех рас на свете».

Далее Купер пишет:

«Я видел великолепные пейзажи далекой Австралии и островов великого Тихого океана, но все они должны уступить место горам, лесам и рекам Центральной Африки, где обитает народ еще более дикий, чем в перечисленных мной странах».

Первая часть книги описывает приключения автора

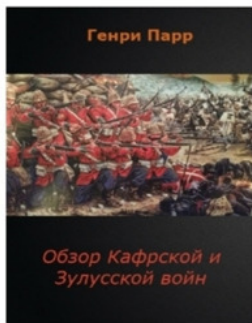
на территории Уганды и в верхнем течении Белого Нила, к северу от озера Альберт.

Перед тем, как перейти непосредственно к тексту, я хотел бы, в качестве рекламы, ознакомить читателей с частью книг, которые переведены мной на русский язык за последние несколько лет. До этого их не переводили. Эти книги доступны в интернет-магазинах «Ридеро», «Литрес» и «Озон». Если кого-нибудь заинтересует моя работа, буду рад помочь в поисках указанной литературы. Пишите на почту lm52@mail.ru

«Операция „Эмин-паша“ – германский конкистадор в Восточной Африке» – 2 тома, 510 страниц, 96 иллюстраций и географических карт.

«Под солнцем Африки. Охотничьи и военные приключения» – 361 страница, 175 фотографий и рисунков.

«Англо-зулусская война и другие военные конфликты в Южной Африке» – 221 страница, 54 иллюстрации.

«Кафрская и Зулусская войны» – 154 страницы,
40 иллюстраций.

«Проклятье Центральной Африки» – 248 страниц,
48 иллюстраций и географических карт.

«6000 миль по рекам дикой Африки» – 4 тома, 260 фото-
графий и географических карт.

Анатолий Смирнов, переводчик

Предисловие автора

Я верю, что эти страницы могут быть интересны, как старым, так и молодым, и могут вызвать некоторую симпатию к моим дальним друзьям из Конго.

Я надеюсь, что мне удастся дать некоторое представление об огромных препятствиях, разочарованиях и опасностях, с которыми ежедневно, нет, почти каждый час, сталкиваются охотники и торговцы в северо-восточном Конго, то есть в анклав Ладо и округе Луэле.

Если говорить обобщенно о коренных жителях Центральной Африки, то они, несомненно, считают нас группой дураков с некоторыми странными идеями. Почему белый человек всегда спешит? Завтра наверняка наступит следующий день, тогда почему надо спешить? Они качают головами вслед спешащему человеку, они не могут понять его, он настолько чужд им по их природе. Вы можете спорить с нами неделями и месяцами, но они все равно качают головами и говорят: «Дни идут один за другим, они все одинаковые». Безднадежно пытаться спорить с туземцем.

У черных нет отсчета времени; убийство слона или редкое посещение белого человека будут формировать отсчетные даты их календаря, пока не произойдет что-то еще столь же необычное и не сотрет из памяти предыдущее событие. Большинство чернокожих людей проводят дни в без-

действии. Мужчины собираются перед хижиной вождя и обсуждают различные темы, интересующие их на данный момент. Это обычно происходит после утреннего приема пищи в виде, так скажем, «полукопченной» рыбы и матаммы (выпечки из муки, содержащей некоторое количество песка и дорожной пыли), или подобного блюда.

В кратком отчете, который появился в лондонских газетах о моем возвращении домой, я заявил, что одной из наших самых больших трудностей было то, что невозможно полагаться на опубликованные карты Конго. Те, что были выпущены бельгийцами, типичны для этих районов. На них показаны десятки городов и поселков, но немногие из них существуют реально, а не на бумаге. Я тщетно искал многие из них. Никто не знал, где они были, и были ли когда-либо вообще.

Горы были указаны там, где текли реки. Целые города были нарисованы там, где реально можно найти только группы хижин.

Северо-восточное Конго сегодня мало чем отличается от его состояния, когда Стэнли, Швайнфурт и один или два других путешественника впервые вошли в страну.

Примерно тысяча человек сопровождали Стэнли в Центральную Африку. Много утомительных дней и ночей я провел, пересекая равнины и леса дикой природы Конго, но только с тремя чернокожими спутниками! Нередко приходилось сталкиваться с худшими из диких народов и ухо-

дить под покровом ночи из какой-либо враждебной деревни, чтобы избежать яростного нападения дикарей.

Многие знакомые предлагали, чтобы я взял с собой трех или четырех белых друзей и большое количество туземцев для эскорта. Это было бы неосуществимо. Не в каждой деревне можно найти еду, скажем, для ста пятидесяти носильщиков. Иногда нам приходилось самим нести еду для себя и наших носильщиков, чтобы ее хватило на несколько дней. Это всегда имело место, когда рядом была бельгийская правительственная станция, обиравшая соседние деревни еще до нашего прихода. Если есть станция, то соседние вожди должны обеспечивать ее постоянными запасами матаммы, картофеля и еще чего-либо для питания персонала и аскари (солдат, набираемых из туземцев). Если вожди не смогут отправить продукты в необходимых количествах, независимо от того, какое оправдание они заявят, будет направлен отряд аскари для расследования. Ну, я не буду больше говорить об этом, за исключением того, что туземные войска не должны бродить по окрестностям, не будучи под контролем белого офицера!

Аскари Бельгийского Конго

Для жителей Европы немислимо представить, что многие части Африки сегодня такие же, какими они были до того,

как первый белый человек ступил на континент.

До вершин заснеженного таинственного Рувензори пока невозможно добраться на фуникулере, а великие реки Кибали или Уэле (реки в бассейне реки Конго) не могут похвататься вагонами Пульмана и комфортабельными пароходами, которые можно найти на Нижнем Ниле.

Должны пройти долгие годы, прежде чем обычный путешественник из цивилизованного мира увидит страну, которая находится между Верхним Нилом и рекой Убанги.

Были высказаны различные мнения относительно полезности большой железной дороги от мыса Доброй Надежды до Каира. Комбинация паромов и железнодорожных рельсов от Танганьики и выше, по мнению некоторых людей, сделает дорожное движение дорогостоящим из-за необходимости перегрузки товаров с железнодорожного транспорта на речной и обратно. Но ни одно другое предприятие, коммерческое или миссионерское, не может быть столь же полезным, как железная дорога, для того, чтобы искоренить бесчисленные препятствия, мешающие цивилизации проникнуть в районы диких людей. Каннибальские набеги, работоторговля и другие зверства исчезнут, поскольку железнодорожная линия с ее артериями распространится на север, восток и запад, открывая страну, устанавливая каналы, по которым может быть направлена торговля. Ни одна из миссионерских работ не может надеяться на достижение результата, отчетливо видимого покойным Сесилом Родсом,* когда он плани-

ровал линию, предназначенную для соединения мыса Доброй Надежды с Каиром. Идея, что она будет конкурировать с великими океанскими лайнерами, абсурдна, но она может и сделает для сердца Африки то, что линия между Момбасой и Порт-Флоренсом** сделала для Британской Восточной Африки.

** Сесил Родс (1853 – 1902) – организатор английской колониальной экспансии в Южной Африке. В его честь получили названия Северная Родезия и Южная Родезия (замечание переводчика, далее – А.С.)*

*** Порт Флоренс – порт на восточном берегу озера Виктория в бухте Кисуму – А.С.*

Конголезцы, каких я видел, чаще всего производили впечатление людей кровожадных и питающихся человечины, но я обнаружил, что за некоторыми исключениями они обладали отзывчивостью при условии, что с ними обращались терпеливо и без высокомерия.

Годы, которые предшествовали моим поездкам в Центральную Африку, прошли под небом многих стран.

Я работал на фабрике по производству цианидов, шахтером на южноафриканских золотых рудниках, работником типографии, клерком на почте в Басутоленде, учеником машиниста на Южно-Африканской железной дороге, каменщиком, шорником и так далее, в различных частях Мира.

Я работал на ферме, делал гробы, помогал на похоронах и свадьбах, я пережил неприятности в Зулуленде в 1906 году.* Совсем недавно я был атакован слонами и ранен людоедами, засевшими в засаде.

** Восстание зулусов под руководством вождя Бамбаты против введения колониальным правительством налогов. В ходе вооруженных столкновений с правительственными войсками было убито до 4000 зулусов, 7000 было заключено в тюрьму – А.С.*

Я довольно много путешествовал по Австралии, храню воспоминания о дальневосточных храмах, чайных и коричневых садах Цейлона, тростниковых лесах, коралловых берегах и лагунах южных морей, индийских базарах, узкие улицы которых пахнут пестрой толпой, одетой в разноцветную одежду.

Где бы я ни оказался, я уйду с шоссе на проселочные дороги, на неизведанную тропу, так что мое знание мира и его жителей – это не просто то, что я видел со ступеней отеля, из салона спального вагона, или с палубы роскошно оборудованного парохода.

Обстоятельства заставили меня жить среди людей практически всех рас на свете.

Относительно миссионерской работы в Африке я мало что могу сказать, за исключением того, что придерживаюсь

твёрдого мнения о том, что туземца следует учить тому, как стать полезным промышленным рабочим, обрабатывать землю, и получать такое образование, которое поможет ему стать настоящим гражданином страны, в которой он проживает. Это гораздо важнее для его собственного благополучия, чем научиться носить европейскую одежду и распевать гимны.

Бельгийцы относятся к своим туземцам как к паразитам; британский же чиновник, с другой стороны, считает туземцев своих колоний дураками.

Что касается сообщений о зверствах колонизаторов в Конго, я сожалею о том, что, поскольку не вступал в контакт с бельгийскими властями, то не имел возможности изучить этот вопрос, как мне хотелось бы.

Одна вещь, однако, поразила меня – это малочисленность населения в стране, где мы путешествовали, и из рассказов, полученных от различных деревенских старост, я понимаю, что не только муха цеце, оспа и другие напасти ответственны за такое состояние дел. Судя по сообщениям, полученным от людей, которые пробрались через джунгли и достигли Нила вблизи территории Судана, я должен сказать, что правление бельгийцев ужасно несправедливо и крайне жестоко.

Мне рассказывали об одном европейце, который решил, что ему пришла в голову блестящая идея, когда он охотился на слонов без лицензии. Он въехал в Конго и много дней путешествовал под видом фотографа с фотоаппаратом на под-

ставке. Однако его план просуществовал недолго, поскольку власти столкнулись с ним, но больше возражали против камеры, чем против его оружия. Конечно, камера достоверно изображает события, разоблачение которых может быть неприятно тем, кто несет ответственность за те или иные преступления в управлении страной.

Что бельгийцев ненавидят и боятся, у меня было множество доказательств, потому, что часто увидев наше приближение, люди разрывали тишину бешеными криками и свистящими сигналами тревоги, и через секунду все население деревни беспорядочно убегало под покров леса. Иногда при нашем приближении одновременно паниковало до шестисот человек, поднимались тучи пыли, лаяли собаки, дети выли от испуга, как и старшие; слабые падали и были затоптаны толпой. Копья, луки, ножи, колчаны, горшки и прочее имущество бросалось, все стремились побыстрее добраться до укрытия в зарослях.

В отдельных случаях некоторые из людей никогда раньше не видели белого лица, и только этим можно объяснить такое поведение; но знаменательно, что после того, как Салем, наш проводник, который шел впереди экспедиции, сбросил старую бельгийскую солдатскую рубашку – синюю, с желтой звездой спереди, – люди уже редко пугались нашим приближением или выказывали какие-либо признаки страха.

В глазах конголезцев ружье – очень страшная вещь, и большинство из них считали само собой разумеющимся,

что мы ищем двуногую, а не четвероногую дичь.

Изолированные от цивилизации люди в высшей степени счастливы по-своему. Золото еще не их бог, поскольку оно быстро становится нашим. Они могут быть язычниками, однако было бы ошибкой думать, что поклонник фетиша находится за пределами справедливости и сочувствия.

Жизнь перекасти-поля, какой я ее знаю, – это всегда славная неопределенность, день вверх, завтра вниз; но я не советую никому пробовать это, потому что в долгосрочной перспективе игра невыгодна с финансовой точки зрения, и вы должны быть чрезвычайно разносторонними, способными приспособиться ко всем слоям общества и готовыми с радостью принять все, что может встретиться на вашем пути. Сегодня ты погонщик волов, а завтра актер, играющий Шекспира. Всегда помните, что ваш карман – ваш самый верный друг, всегда улыбайтесь, будьте готовы на все, готовы пойти куда угодно, столкнуться с любой опасностью и быть осторожным с тем, с кем вы вроде бы дружите. Знакомые и друзья – это два совершенно разных типа людей.

Путешествовать по миру нормально для молодого человека чуть за двадцать; это действительно самое доступное образование из всех, вы узнаете кое-что о человечестве, станете самостоятельными и будете широко судить об окружающем вас мире, его социальных и других проблемах; но ра-

но или поздно должно прийти время остановиться на чем-то определенном.

Люди часто говорили мне, что если бы я остепенился, окончив школу, то мог бы стать теперь тем или иным; но если бы у меня были эти десять лет еще раз, я бы сделал то же самое, что и сделал. Я признаю, что временами урок был трудным, но я уверен, что он был полезным, и приобретенный опыт всегда будет бесценным в загробной жизни.

Вы на время оставили внешний мир позади, Лондон остался лишь полузабытым воспоминанием. Театры, такси и лицемерие цивилизации остались позади, пока вы исследуете неизведанные глубины дикой природы, чтобы насладиться тайной лесов, полей и равнин Черной Африки.

Пока вы не увидите все так, как видел я, вы не сможете понять, какие странные уголки есть в этом нашем мире, где обитают короли-призраки, а мечты мальчишеской юности сбываются в полной мере. Людоеды, львы, змеи, леопарды, слоны, знахари, настоящие луки и стрелы, да, все это очень чудесно; но время вносит свои изменения, и я полагаю, что когда-нибудь эти причудливо построенные шалаши дикарей должны будут уступить место надвигающейся волне цивилизации, нищеты, борьбы, бурь и раздоров. Леса, которые до сих пор оставались почти непроходимыми, безмолвные и полноводные реки – все это перестанет носить прелесть романтики и таинственности.

Нам говорят, что черный никогда не сможет быть равным белому человеку. Я полностью согласен с этим, но место под солнцем есть для всех, и я, как и многие другие, вижу в негре больше хороших сторон, чем плохих. В потустороннем мире не должно быть классовых различий, и я склонен полагать, что не должно быть и различий в цвете кожи.

Я не из тех, кто превозносит чернокожего человека, как и не согласен с теми, кто хочет его истребить, но я верю в справедливость и честную игру по отношению к цветным расам, которых Неведомая Сила сочла нужным поставить под нашу власть в этом мире.

На белые расы возложена великая ответственность. Должно ли дело христианства совершаться незапятнанными руками или руками, красными от крови? В том виде, в каком оно велось до сих пор, эта работа не делает чести страницам истории девятнадцатого и двадцатого веков.

Реджинальд Купер

Глава I

Однажды в начале июня 1910 года экспресс из Йоханнесбурга высадил меня на симпатичной маленькой станции залива Делагоа или Лоренсу-Маркиш в португальской Восточной Африке, месте, в котором я не нашел ничего, заслуживающего особого внимания, за исключением тротуаров, пляжа Полана и португальских полицейских.

Лоренсу-Маркиш (в настоящее время – Мапуту)

Первые украшены мелкими цветными камешками, выложенными в узорах столь же ярких, сколь и разнообразных.

Стоит посетить красивый пляж Полана.

Не могу сказать, что я восхищался полицией, но, тем не менее, они, безусловно, произвели на меня впечатление, поскольку я никогда не видел более комичной группы мужчин, низкорослых, неряшливых и подпирающих стены домов, бездельничающих у витрин, постоянно курящих сигареты и играя огромными саблями, болтающимися по бокам.

Я провел здесь два дня в ожидании судна, которое доставит меня на север, в Момбасу, а на третье утро уже стоял на прогулочной палубе «Адольфа Вёрмана», принадлежавшего немецкой Восточной Африканской линии, прекрасного двухвинтового судна водоизмещением около семи тысяч тонн.

Путешествие в Момбасу заслуживает краткого описания.

Бейра была нашим первым портом захода, и нет сомнений, что в ближайшем будущем она станет главным портом для Родезии.

Следующим был Чинде в одном из многочисленных устьев реки Замбези, и здесь к нам, пока мы стояли на якоре в нескольких милях от берега, подплыл маленький каботажный пароходик «Кадет», чтобы доставить нескольких пассажиров с загорелыми лицами.

Затем на север, в Мозамбик, куда мы добрались без происшествий. Наше пребывание здесь ограничилось несколькими короткими часами, о чем я весьма сожалел, поскольку этот старый центр работоторговли полон интереса. Есть

древний форт с прекрасными старыми воротами и устаревшей батареей дульнозарядных орудий, которые венчают все и якобы охраняют вход в гавань. Причудливые старые доу (арабские парусные лодки), которые теперь служат лихтерами, мрачные пережитки прошлого, каждая с возвышающейся богато украшенной кормой и наклоненной вперед мачтой. Сами по себе эти лодки придают месту атмосферу старого мира, которая сразу же производит впечатление на чужестранца, который посещает его впервые.

Момбаса (красная стрелка), Бейра (белая стрелка), Чинде (желтая стрелка)

Мы выбрали якорь, начали разворачиваться по течению реки и врезались в большой португальский военный корабль «Лузитания», зацепив его кормой прямо посредине борта. Все наши офицеры и команда были заняты креплением груза, и, похоже, никого не было на корме, но, к счастью, один из пассажиров наблюдал, как корабли сближаются, и вовремя подал сигнал тревоги, чтобы канатные кранцы были вывешены в нужном месте и смягчили удар. Обошлось без повреждений.

На Занзибаре мы с другим пассажиром и негром-суахили, который радовался, когда его называли Джорджем Вашингтоном, и был нанят в качестве проводника, исследовали базар в поисках чего-либо особенного, но, пройдя много миль между палатками и прилавками по лабиринту извилистых тесных проходов, которые воняли как в индийской общине низшего сословия, нам не удалось найти хоть что-нибудь достойное внимания.

Беспроводная телеграфия, которой был оборудован корабль, составляла одну из особенностей путешествия и поддерживала связь с миром. Зайдя в Дар-эс-Салам и Тангу, мы направились в Килиндини, на южную сторону острова Момбаса. Путешествие из бухты Делагоа заняло одиннадцать дней, и в качестве интересного морского путешествия его трудно превзойти.

Одна вещь поражает путешественников в этих краях,

а именно то, что английские судоходные компании не спешат оценить возможный объем торговли на этом побережье, из которого немцы, однажды преуспев в этом, будут извлекать пользу в течение последующих лет. Сколько английских пассажирских и грузовых судов на восточном побережье могут похвастаться полудюжиной человек в экипаже, владеющих немецким, суахили или португальским? Сядьте на любое немецкое судно, которую вы можете увидеть на побережье, это судно легко обслуживает любые национальности, встречающиеся на восточном побережье. Немец нанимает людей, которые могут общаться с представителями основных народов этого района Африки, и здесь его самого не будут считать дураком, потому что он не говорит по-английски. Наши англичане дураки, что не видят того, что агент судоходной компании или, по крайней мере, торговый приказчик, в любом случае должен уметь разговаривать с народом на его языке, а не расхаживать по первоклассной палубе, стараясь выглядеть красиво.

Еще одна вещь, которая неприятно поражает всех англичан, это то, что немцы завозят материалы для строительства железных дорог по британским контрактам, на британских судах, но под немецким флагом. В Бейре я стоял на палубе и болтал с одним из офицеров, когда в порт вошел большой корабль водоизмещением 10 000 тонн, и когда он прошел мимо нас, я заметил, что, хотя это был английский корабль и принадлежал английской компании, он шел под немецким

флагом. Я почувствовал комок в горле, чувство стыда пронзило меня, когда немецкий офицер обратил мое внимание на то, что материал, произведенный в нашей стране, был вывезен немцами на арендованном у нас судне. Это был не единственный случай, так как в течение следующих нескольких дней в Бейру вошли еще несколько британских кораблей под немецким флагом.

Немцы довольно предприимчивые, они годами бегают по всей Африке. Они основались в Восточной Африке и вокруг нее, и пройдет несколько лет, прежде чем мы восстановим торговлю, которой мы позволили утекать сквозь пальцы. Благодаря компании «Юнион Касл», которая во второй половине 1910 года направила пароходы к восточному побережью, мы можем, наконец, похвастаться тем, что находимся на одном уровне с немцами, поскольку теперь у нас есть регулярное сообщение в виде пассажирских судов, курсирующих вокруг Африки. Следует надеяться, что «Юнион Касл» получит не только поддержку путешествующей публики, но и материальную помощь от правительства, подобную той, которой пользуются многие иностранные линии.

Нелишним будет краткое описание того, как после высадки в Килиндини на южной стороне острова можно добраться до города Момбаса, находящегося на северной стороне, примерно в полтора милях от него. Для путешествия требуется тележка или «гхарри». Гхарри накрыты небольшими аккуратными тентами и движутся по миниатюрной рельсовой

колеса шириной около восемнадцати дюймов (46 см), а туземцы обеспечивают движение. В среднем, каждая повозка перевозит четырех пассажиров.

Повозка, запряженная быками и «гхарри»

Прогулка по городу восхитительна: тропическая растительность, величественные старые деревья, которые много лет назад смотрели на суету арабов, португальцев и прочих, которые фигурировали в истории Момбасы с первых дней.

Мы ехали по прекрасной аллее с пышной растительностью, которая напомнила мне о далеком Цейлоне. Вокруг

арабы, мусульмане, суахили и индусы; смуглые девицы, велосипеды и рикши. Проехала туземная повозка, запряженная верблюдом, мимо пронеслись темнокожие люди в тюрбанах и фесках, одни на колесах, другие пешком, одетые в длинные ханзы (своего рода халат, достигающий до щиколоток) преимущественно из цветного ситца.

У многих был только кусок материи, перекинутый через плечо, а также бусы, проволочные браслеты, огромные серьги и обычные атрибуты туземцев, только-только выходящих из прежней жизни на заре цивилизации.

Мы миновали маленький полицейский участок на правой стороне дороги, недалеко от железнодорожного моста. Когда мы проходили мимо, вышел дежурный туземный «офицер» с винтовкой. Туземная девушка, неся на голове глиняный кувшин с набитыми в горлышко сосуда свежими зелеными листьями, была одета в пеструю ткань, обернутую вокруг ее талии; бусы и проволочные браслеты украшали ее шею и руки. Она стояла в стороне, когда наша «гхарри» пронеслась мимо и крикнула что-то любезное нашим боям, толкающим тележку, которые засмеялись в ответ и начали что-то петь, время от времени повторяя слово «биби» (девушка).

Потребовалось бы более ловкое перо, чем мое, чтобы описать очарование езды на «гхарри» по Момбасе с безоблачным небом над головой.

Вспотевшие туземцы на бегу распевают странные песни, толкая наши «гхарри». Любопытно выглядят люди из Занзи-

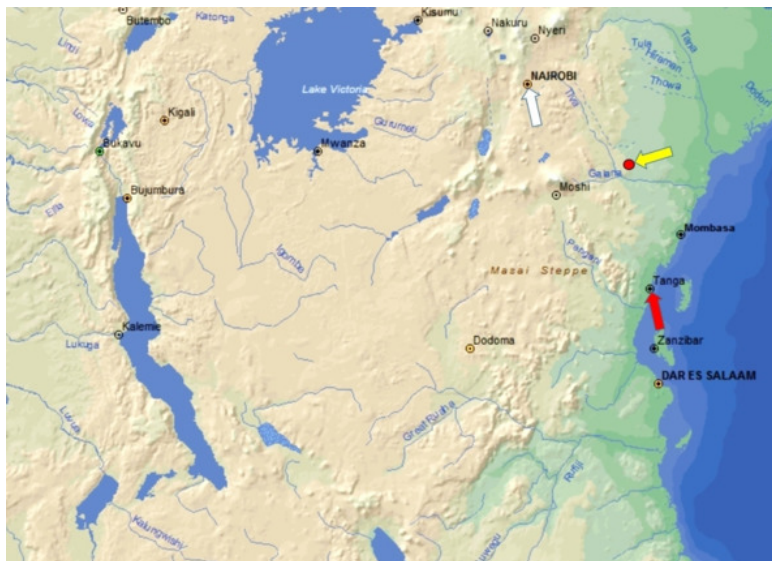
бара, Персидского залива или Индии, их яркие одежды резко контрастируют с более мрачной одеждой немногочисленных европейцев. Туземцы проходят непрерывной процессией по обеим сторонам дороги, окаймленной пышной растительностью пальм, манго и других фруктовых деревьев. Такая картина непривычна для «западных глаз».

Живописные бунгало наполовину открыты и наполовину скрыты среди великолепной растительности.

Во время моего пребывания здесь я посетил Мемориальный собор, на стенах которого можно найти медные таблички с именами британских первопроходцев, помогавших в былые времена открывать Восточную Африку и Уганду, – миссионеров, епископов, солдат и других, умерших от лихорадки, убитых дикарями или растерзанных львами.

Мой поезд отправился в среду утром, около одиннадцати утра, мимо Килиндини и через мост Солсбери, очень красивое сооружение длиной около 1700 футов (500 м), соединяющее остров с материком. Вскоре после этого мы достигли станции Чангамве, в шести милях от берега. На платформе болтала толпа торговцев фруктами, продававших продукцию окрестных плантаций. Отсюда мы получили прекрасный вид на Порт-Рейц и холмы Шимба. Теперь мы приступили к нашему путешествию по природному зоопарку, неуклонно поднимаясь к Вою, на высоту 1830 футов (560 м) над уровнем моря, откуда обычно можно увидеть заснеженный Килиманджаро, возвышающийся на 19 000 футов

(5800 м) на границе с германской колонией Танганьика.

Танга (красная стрелка), Цаво (желтая стрелка), Найроби (белая стрелка)

Нашей следующей станцией был Цаво, где во время строительства железной дороги львы-людоеды наводили террор. Мы видели животных почти на всем пути от побережья, совсем недалеко от поезда; здесь обитают страусы, газели, зебры, антилопы гну, гиены, жирафы, шакалы, львы и носороги. Далеко в небе стервятники парили над трупом какого-то зверя, которого недавно сразил царь зверей. Это действительно

чудесное путешествие, которое никакое время не может стереть из памяти. То и дело раздавался свисток паровоза, когда стайка зебр или газелей стояла на железнодорожном полотне и убегала только тогда, когда локомотив приближался на пятьдесят футов.

На следующее утро мы спустились по склону от реки Атхи, проехав шестнадцать миль, и прибыли на станцию Найроби. Расстояние отсюда до Момбасы составляет 327 миль (526 км), а дорога занимает всего двадцать четыре часа, включая остановки на станциях для приема пищи.

Найроби расположен на высоте 5450 футов (1660 м) над уровнем моря. Во время моего визита (1910 г.) город все еще находился в стадии преобладания ржавых жестяных лачуг.

Почтовое отделение, казначейство, отели «Норфолк» и «Стэнли» выделялись как самые роскошные здания города. Здесь есть хороший ипподром, поля для гольфа, клуб и ратуша.

В Дар-эс-Саламе и Танге, в Германской Восточной Африке (в *Танганьике* – А.С.), меня особенно поразила основательность зданий, муниципальных и прочих, что нечасто встретишь в Британской Восточной Африке. Добротные каменные здания с красными черепичными крышами создают вид процветающей страны. Это говорит о людях, которые приехали сюда, чтобы остаться, в то время как британские поселения из гофрированного железа или «жестяных лачуг», к сожалению, лишены атмосферы стабильности; все кажется

временным, как если бы наш девиз был: «Сделай как можно больше за как можно более короткое время, а затем все брось». В Южной Африке у меня всегда было такое чувство. Местные видные деятели время от времени говорили, что люди приезжают туда с единственной целью заработать деньги, а затем уехать, чтобы потратить их где-нибудь в более цивилизованном месте. Это, несомненно, относится к подавляющему большинству поселений под британский владычеством. В Южной Африке очень мало городов, которые имеют хоть какие-то внешние признаки домашнего уюта, везде одни и те же однообразные полосы гофрированного железа и проволоки, все имеет вид «сегодня мы здесь, а завтра нас нет».

Я пробыл в Найроби недолго, встретил нескольких старых друзей и завел новых, а также организовал поездку, о которой собираюсь рассказать. В Найроби мне было неприятно обнаружить так много недовольных белых. Я был в десятках мест в разных колониях, и в каждом случае было заметно, что некоторые люди, приехавшие туда из Европы, не могут или не хотят приспособиться к новой обстановке. Например, супружеская пара, которая приезжает и неохотно признает, что страна «терпима», «но все это ужасно после нашего большого английского дома, где мы держали четырех слуг, лошадей и автомобиль», и все же эти люди приехали в Африку, чтобы жить на 200 индийских рупий, которые муж зарабатывает в месяц. Почему они покинули свою прежнюю «рос-

кошную жизнь»?

Тем не менее, поселенцы в Британской Восточной Африке – лучшие люди, которых только можно встретить, и стране очень повезло, что у нее есть такой класс людей. Я провел очень приятный день, осматривая выставочные залы и магазины «Ньюленд» и «Тарлтон», где мы приобрели очень полезные вещи для нашей поездки. Однажды в субботу был футбольный матч, на котором присутствовал сэр Перси Жируар, популярный губернатор, и я был впечатлен предприимчивостью местного оператора, который сидел на крыше небольшой лачуги с видом на поле и был занят съемкой на кинокамеру эпизодов игры. Африканские туземцы, мужчины и женщины, стояли вокруг, проявляя большой интерес к игре, весело болтая. Одна группа наблюдала за киносъемкой с открытым ртом, они и раньше видели фотокамеры, но ручка на аппарате, которую вертел оператор, породила массу предположений: один из них предположил, что это пистолет, и указал на игрока, который был повержен на землю во время игры; это и многие последующие замечания были встречены ревом смеха.

Я полностью наслаждался своим пребыванием в Найроби. Здесь на прошлой неделе проходили скачки, и у меня до сих пор сохранились очень приятные воспоминания о том времени, включая прекрасную музыкальную программу в исполнении замечательного туземного оркестра «King's African Rifles». Они проявили настоящее искусство, и это

величайшая заслуга тех белых, кто их обучал.

Мой друг (назовем его «П.») выехал на семь дней раньше меня, чтобы подготовить вещи и нанять носильщиков в Кампале.

Здесь было несколько старых друзей, которых я знал еще со времен пребывания в Южной Африке, и все они единодушно одобряли перспективы расселения европейцев в Восточной Африке, особенно в высокогорьях Уасин Гишу, Накуру и Найваша.

Раз или два ранним утром мне удалось с холма вполне ясно увидеть невооруженным глазом Килиманджаро, а гора Кения, хотя и находится в 75 милях, в ясный день также кажется совсем близкой. Примерно в двадцати пяти милях от Найроби, по дороге к озеру Виктория, мы прибываем в Лимору, затем поднимаемся по прекрасному участку леса к откосу Кикуйю на высоте 7380 футов (2250 м) над уровнем моря. Отсюда мы получаем действительно великолепный вид, потому что смотрим на 2000 футов (600 м) вниз на великую Рифтовую долину, которая, как говорят, может быть пролегает от Замбези до Палестины. В этом месте она наиболее ярко выражена. Вулканические конусы гор Лонгонот и Сусва являются подходящим фоном для этой поистине замечательной картины. От станции Эскарпмент мы спускаемся по склону холмов в Киджабе.

Киджабе находится на полпути к спуску в долину, и, грохоча в очень резвом темпе по железной дороге шириной

три фута и три дюйма (98 см), поезд вскоре проходит через участок кустарниковой местности к станции Найваша. Здесь можно найти множество слонов, бегемотов, оленей, газелей, антилоп, диких птиц, уток и т. д.

Выйдя из прокуренного вагона, я решил лечь спать и приготовился к холодной ночи на вершине пологого холма Мау. Всегда хорошо укутаться тепло для этого этапа путешествия. Мау, на высоте 8350 футов (2500 м) над уровнем моря, это самое высокое место на железной дороге Уганды. Я проснулся рано утром и обнаружил, что было ужасно холодно, с кровати упало одеяло, и меня знобило.

В Лондиани, в 500 милях от Момбасы, я видел несколько старых фургонов, привезенных из Южной Африки белыми фермерами, которые теперь в большом количестве занимают местные земли.

Около восьми часов утра, покинув Найроби, мы прибыли в Порт-Флоренц на озере Виктория. Высота над морем здесь всего 3650 футов (1100 м). Поезд двигался сначала до станции Порт-Флоренц, а затем спустился к пристани, у которой был пришвартован довольно приличный двухвинтовой пароход «Клемент Хилл».

Локомотив остановился рядом с самим судном в нескольких футах от края пристани. Было прекрасное воскресное утро. Перед нами простирался великий залив Кавирондо. Над головой безоблачное небо, с огромным солнцем, медленно поднимавшимся с востока, бросая свои мощные лучи

на безмолвные мерцающие воды, из которых выпрыгивало множество рыб.

Вулкан Лонгонот (вверху) и гора Сусва (внизу). Фото

Любопытное туземное судно с поднятыми парусами и крошечным развевающимся вымпелом грациозно проплыло мимо, мальчик народа кисуму сидел на корме, напевая себе под нос про красивого журавля, который улетел на запад.

Два крошечных парохода, оба водоизмещением по 500 тонн, стояли, ожидая следующего рейса. Со стороны пристани, где мы находились, суетливая толпа туземцев с песнями и криками грузила свои вещи на борт нашего парохода. Подтянутые европейские офицеры в белых мундирах, солнцезащитных шлемах и с черными загорелыми лицами руководили операциями с той спокойной, но твердой манерой, которая характерна для офицеров Королевского флота.

Железная дорога в районе озера Виктория

Крошечная обезьянка резвилась на носовой палубе среди сонных индусов. Наш «Клемент Хилл» грузоподъемностью 750 тонн, под командованием капитана Грея, был оснащен паровыми двигателями тройного расширения и двумя винтами. Прекрасная прогулочная палуба, покрытая двойными тентами, проходила по всей длине корабля.

В задней части этого, хотя и небольшого судна, есть просторная гостиная с очень удобной обстановкой, где можно читать, писать или курить на досуге. На стенах висят барометры и большие карты озера Виктория. Широкая лестница ведет из гостиной вниз к каютам, где, повернув на кор-

му, мы попадаем в просторный обеденный салон, который сделал бы честь многим большим океанским лайнерам. Есть вполне приличная библиотека, где за столами могут разместиться около двух десятков пассажиров. Каюты, ванные комнаты и туалеты – все, что можно пожелать для комфорта и удобства, предоставлены в распоряжение пассажиров и обставлены с превосходным вкусом.

Главное, все безупречно чисто. Индийские стюарды, одетые в белое, бесшумно передвигаются, заботясь о комфорте пассажиров.

Глава II

В одиннадцать утра прозвучала сирена, трапы были убраны, швартовы отданы, и мы отплыли от берега. Мистер Флейшер, охотник на слонов и другую крупную дичь, путешествовал с нами в Уганду. Господин Сидней Пирсон, гость страны, один из самых заядлых охотников из ныне живущих, также добавил удовольствия поездке. Двенадцать месяцев назад под его ружье попадали белые медведи, а теперь он направлялся в дебри Центральной Африки.

Хотя мистер Пирсон пробыл в стране всего три месяца, он уже имел на своем счету большое количество охотничьих трофеев. Он добыл великолепный экземпляр черногривого льва, равный тому, что был подстрелен капитаном Коуи, и чучело которого теперь украшает бильярдную в его резиденции в Найроби.

Поездка через озеро Виктория в Энтеббе и Кампалу была очень приятной. Нас было всего пятеро пассажиров, что составляло очень приятную небольшую компанию. В десять часов вечера, по установившемуся обычаю, мы бросали якорь, оставаясь на месте до пяти утра следующего дня, когда снова двигались вперед. Каким бы невероятным это ни казалось многим, кто не знаком с озером, я должен признаться, что почувствовал некоторое недомогание, потому что подул легкий бриз, из-за чего судно довольно сильно ка-

чало, и, хотя я проплыл по морю несколько тысяч миль, мне достаточно небольшой качки, чтобы почувствовать приступы морской болезни.

Озеро имеет площадь около 26 500 квадратных миль, и если вам случится попасть в сильный шторм, вы сможете насладиться волнами, не меньшими, чем в море.

Озеро усеяно многочисленными островами, с которых правительство выселило жителей из-за ужасных разрушительных последствий страшной сонной болезни. Трудно было поверить, что эти прекрасные берега с мягкой зеленой травой и множеством деревьев приютили смерть в ее самом ужасном виде. В былые годы среди листвы стояли мирные деревни. С лесистых берегов через каждую бухточку или ручей проносились причудливые каноэ, сделанные из досок и волокон. Повсюду можно было найти смеющихся, бесстрашных людей, таких же диких, как и их окружение. Увы! Теперь тишина смерти опустилась на острова.

Сами птицы, кажется, избегают манящих травянистых склонов и укрытий деревьев. Тонкие голубые столбы дыма больше не выются от костров к небу. Глубокие ноты туземных барабанов больше не слышны над темными залитыми лунным светом водами. С неохотой люди покинули свои дома, изгнанные самым ужасным из насекомых – мухой цеце.

Мы прибыли в Энтеббе в полдень в понедельник. Здесь, опять же, была построена великолепная пристань с достаточным количеством навесов, и к ней могут швартоваться па-

роходы, так что неудобная прогулка на туземных на каное больше не является необходимостью.

Энтеббе – резиденция правительства и штаб-квартира администрации протектората Уганда, по мнению большинства людей, чрезвычайно милое место. Поднимаясь по дороге, обсаженной с обеих сторон прекрасными старыми деревьями, вы быстро оказываетесь в маленьком городке на склоне холма. Из некоторых точек города открывается прекрасный вид на большое озеро, раскинувшееся у ваших ног.

Я полагаю, что после губернатора самым известным человеком в Уганде является мистер Альберт Эдвард Берти Смит. Впервые я встретил мистера Смита в его знаменитом частном Музее редкостей, собранном со всех уголков Центральной Африки. Он провел много лет в стране, и я рекомендую каждому, кто посетит Энтеббе и желает провести очень приятный час, заглянуть и увидеть мистера Смита, потому что он всегда рад показать посетителям свое жилище и дать им много полезной и ценной информации о стране и ее ресурсах.

Мы покинули Энтеббе на следующее утро, во вторник, и после пятичасового плавания достигли порта Кампала, где я окончательно высадился на берег.

Пройдя через офисы портовых властей, зарегистрировав несколько ящиков с припасами и т. д., мы проследовали на рикше в город Кампала, расположенный в шести милях от порта. Большая часть дороги прорезана высокой слоно-

вьей травой. Путешествие заняло около часа, чернокожие рикши все время пели и обильно потели.

На холме Найрембе выделялся Собор Святого Павла, когда мы вышли на главную улицу и остановились у штаб-квартиры британской торговой компании, в чьи руки мы доверили организацию нашего сафари. Наши палатки были разбиты недалеко от резиденции мистера Мозеса, управляющего компании, и большое количество наших будущих носильщиков разбили лагерь поблизости.

В тот день я сменил свою обычную одежду на снаряжение для сафари. Толстый шлем, фланелевая рубашка цвета хаки с карманами, короткие бриджи и портянки. Многие люди совершают большую ошибку, путешествуя в тяжелых ботинках. Конечно, нужна крепкая обувь, но носить тяжелые сапоги – роковая ошибка. Всегда хорошо иметь шипы на подошвах, ибо часто приходится полагаться на быстроту ног, а без шипов по сухой скользкой траве бежать сложно.

Ножи-мачете, несколько револьверов и другое громоздкое снаряжение в значительной степени вошли в моду. Мои друзья, которые только что приехали сюда и жили в отеле неподалеку, при первой же встрече произвели на меня впечатление, как будто они только что сбежали из шоу про Дикий Запад! На этих белых мужчин можно было смотреть на сцене дешевого представления, но в Британской Восточной Африке они выглядели нелепо.

На следующий день у меня была возможность посетить

каучуковые и кофейные плантации римско-католической миссии на холме Нисамбиа.

Следующие три дня мы потратили на подготовку различных ящиков и грузов, которые должны были быть доставлены нашими носильщиками в Конго. Это было нешуточное дело, ноша каждого боя должна весить не более шестидесяти пяти фунтов (29 кг). Подсчитано, что носильщик с таким весом должен проходить пятнадцать миль (24 км) в день.

Палатки, складные стулья, умывальники, ванны, вещмешки, ящики, бусы, мотыги, дешевая ткань «американо» (что-то вроде марли) – все нужно было упаковать и взвесить. Нумерация каждой коробки, между прочим, избавляет от огромного количества хлопот и изрядного количества нецензурной лексики. Если при упаковке вы составите опись содержимого и поставите номер или отметку на грузе, то вам достаточно перевернуть складские листы когда вам потребуется, скажем, банка гороховой муки, чтобы найти номер ящика. Днем мы оставляли старосту носильщиков по имени Мпалу вместе с поваром по имени Пиши охранять палатки во время нашего отсутствия в лагере.

Двадцать восемь носильщиков отправились в Хойму с более тяжелыми грузами под руководством Салема Беги, заместителя старосты.

По моему мнению, многие люди теряют половину удовольствия от охоты в Центральной Африке из-за того, что добычу доставляют, так сказать, к дверям их палатки за фик-

сированную плату. Существует также немалое удовольствие от приобретения собственного оборудования, которое вы не получите, если полностью отдадите себя в руки компании, которая работает с вами в коммерческом духе. Одно аристократическое «сафари» даже везло с собой собственный электрический генератор! Я, конечно, за то, чтобы через посредство торговой компании нанимать носильщиков и личных боев, опытных в работе, связанной с сафари. Непосвященному охотнику следует обратить на это большое внимание.

Хойма (красная стрелка), озеро Альберт (желтая стрелка), Виктория-Нил (голубая стрелка), Альберт-Нил (белая стрелка)

К полудню четверга все было готово.

В тот же день мы с П. подошли к собору на холме Найрембе. Это здание сгорело примерно через три месяца после нашего отъезда из Кампалы. Холм Найрембе является штаб-квартирой Церковного миссионерского общества под руководством епископа Такера. Здесь же находится больница. Собор Святого Павла был очень красивым зданием из кирпича, построенным местными рабочими. Крыша была покрыта соломой, внутри здания искусно уложен беленый тростник, и все это поддерживалось массивными кирпичными колоннами.

Кампалу, построенную на возвышении, называют «городом семи холмов».

В пятницу рано утром мы разбили лагерь и приготовились к выходу.

Около десяти утра мы подготовили караван для первого этапа того, что, по крайней мере для меня, должно было оказаться насыщенным событиям путешествием, прежде чем я снова увижу Кампалу. Там был староста, Мпала (по-местному, староста – «баганда»), наши четверо оруженосцев, два повара, два палаточника, два погонщика мулов, сами мулы и сотня носильщиков, сорок из которых были наняты только для перехода к озеру Альберт.

Мпала возбужденно разглагольствовал перед толпой болтающих носильщиков, то и дело пуская в ход свою трость,

чтобы подчеркнуть важность своего положения. На некоторых наших боях были старые и рваные солдатские синие фуфайки, у кого-то с целыми рукавами, у кого-то без. Многие вообще ничего не носили, кроме жалкого куска грязной ткани, повязанного вокруг бедер; браслеты украшали руки, а шеи были увешаны всевозможными побрякушками, среди которых старые ключи казались излюбленными оберегами. Между прочим, опыт учит, что не рекомендуется позволять вашим боям носить с собой какие-либо ключи, так как они могут подойти к замкам некоторых из ваших ящиков. Все туземцы очень любопытны.

На одном бое был старый фрак; но увы! он дожил свои дни и, казалось, вот-вот распадется на куски; на плечах были большие дыры, а одна из фалд висела на нитках. За весь поход я не помню, чтобы видел боя без фрака. Везде, днем и ночью, под дождем или солнцем, переходя вброд по шею через вздувшиеся от дождей реки, фрак всегда был на нем. Как и большинство туземцев по всей Африке, он всегда улыбался или смеялся, его ничто не беспокоило. Жизнь этого полудикого негра была сплошным смехом с утра до ночи.

Носильщики Центральной Африки берут с собой на сафари все свое имущество; иногда это только одеяло, туземная трубка, завернутая в лист табака и циновка из травы. Добавьте к этому толстую палку, и вы получите картину боя на сафари. Со своим шестидесятифунтовым грузом на голове он будет путешествовать в гору и по долине, смеясь и на-

певая, выкрикивая обычные приветствия прохожим. Острые камешки не страшны его босым ногам; он поднимается по извилистым тропам, совершает крутые коварные спуски, пробираясь сквозь густые колючие кусты, весь в царапинах и крови с головы до ног. Его тело обливается потом и потому он «пронзительно» пахнет!

Дайте ему десять рупий в месяц и делайте с ним, что хотите. Если вы даете туземцу обещание, то выполняйте его в точности. Некоторые люди склонны терять контроль над собой, когда дело касается туземных женщин; помните, ничто так не роняет престиж белого человека, как безнравственность. В глазах дикого туземца принуждение негритянки к близости – это преступление. У некоторых племен Конго, каннибалов и других это карается смертью. Объездив всю Южную Африку, я осмеливаюсь сказать, что если бы белые мужчины оставляли туземных женщин нетронутыми, мы бы не слышали так много, как сегодня, о белых женщинах, насилуемых кафрами. Это может дать пищу для размышлений людям, которых я встречал между Кейптауном и Каиром и которые таким образом способствовали снижению престижа белой расы в Африке.

Принесла ли цивилизация народам Африки такие огромные блага, как многие говорят?

Есть еще обширные участки страны, на которых проживает много тысяч человек, которым еще неизвестна цивилизация. Они в высшей степени счастливы в своем нынеш-

нем положении, гораздо более, чем тысячи людей в Европе и США. У них есть на что жить, им не о чем беспокоиться. Вам когда-нибудь приходило в голову, что в бедных частях наших больших городов нужно выполнять огромное количество работы? Не кажется ли вам, что многочисленные благотворительные учреждения в стране, остро нуждающиеся в средствах для помощи обездоленным и голодающим, беспризорникам и бродягам, могли бы гораздо лучше использовать огромные суммы вместо посылаемых в Африку с целью образования и воспитания?

Никто не может отрицать, что обучение туземца, в конце концов, было продиктовано чисто корыстными мотивами. Тысячи черных людей погибли, работая на частных лиц, горнодобывающие компании и правительства в безумной погоне белых за богатством. Туземец – это часто плохо используемое орудие белого человека. Пинками и наручниками его дух был быстро сломлен, и, наконец, он – жертва в борьбе белых за прибыль. И это цивилизация! Для избранных это легкая жизнь. Для большинства это борьба, в которой мало пощады.

Глава III

Вернемся ко времени нашего отъезда из Кампалы. Прощаясь с друзьями, мы гуськом двинулись по улице, проходя через индийский базар среди сотен людей, громко расхваливавших свой товар.

Вскоре после того, как мы поднялись на дорогу к Хойме, мы миновали столб, обозначающий первую милю – маленькую железную пластину, фактически утонувшую в высокой траве на обочине дороги. Нам предстояло пройти еще 127 миль, прежде чем мы достигнем Хоймы, и мы отвели себе на это десять дней.

В нескольких милях от Кампалы я случайно оглянулся и заметил между двумя холмами далеко позади несколько блестящих жестяных крыш. Это был наш последний за несколько месяцев взгляд на Кампалу. Прекрасные деревья покрывали холмы и долины, пестрые птицы перелетали с ветки на ветку, дикие бананы с их огромными листьями шелестели на утреннем ветру, бабочки роскошных цветов порхали в изобилии, жужжание насекомых вторило песням наших носильщиков. Огромные голубые небеса смотрели вниз на причудливо одетых туземцев, а также на индийцев в своих длинных цветных одеждах, с тюрбанами или фесками. Женщины-туземки смиренно отступали в сторону, прячась в траве, пока мы медленно шли вперед.

Разные группы туземцев, перевозивших и переносивших грузы для торговых компаний между Хоймой и Кампалой, сновали в обоих направлениях, приветствуя нас обычным «Джамбо, бвана!» (Добрый день, мистер). Все было так просто, никаких машин с вонючим бензиновым угаром. Телеграфные столбы и провода присутствовали, но почти терялись в зарослях высокой травы и деревьев. Туземные телеги, запряженные двумя волами, ехали, скрипя всеми колесами. Овец, коров и быков пас маленький туземный мальчик, не старше десяти лет, который развлекался, сидя на обочине, почти голый, и жевал огромный банан. Он посмотрел на нас, когда мы проходили мимо, и крикнул: «Джамбо».

Его глаза широко раскрылись от восхищения, когда он уставился на одного из наших носильщиков, который не только пел песню с вместе с другими, но и время от времени забегал вперед отряда и исполнял весьма своеобразный танец, прыгая по кругу, извиваясь телом и издавая громкие крики, после чего возвращался в строй. Когда мы проходили под нависающими деревьями, низкие голоса снова и снова звучали, как прекрасный орган. Голоса вдруг замирали, когда гарцующая фигура снова бросалась вперед и повторяла странное представление. По его возвращению в общие ряды, дикая песня снова начинала звучать в утреннем воздухе.

Все рассчитывали на перспективу неограниченного количества мяса, которое вскоре добудут белые охотники, и весело шли. Между куплетами песни длинная гарцующая фигу-

ра совершала всевозможные движения, с покачивающимися плечами, большими потоками пота, струившимися по его телу, и демоническим выражением лица. Я чувствовал, что я еще никогда не был среди настолько чуждых мне по культуре, обычаям и поведению людей.

На третий день мы добрались до столба с табличкой, отмечавшей 46-ю милю, где мистер и миссис Уолш занимаются молочным животноводством в очень больших масштабах и держат великолепный скот, за которым хорошо ухаживают, а на ночь размещают в отличных коровниках. Рядом с этими постройками по ночам разжигают большие костры, чтобы отпугивать мух. Мистер Уолш приехал в наш лагерь во второй половине дня, и, поскольку он очень хорошо знал Южную Африку – он был там во время кампании против матабеле,* – нам было о чем поговорить. В тот вечер мой товарищ П. и я, одетые в самые презентабельные части нашего гардероба, нанесли ответный визит и имели удовольствие встретиться с миссис Уолш, которая, без сомнения, является самой известной женщиной не только в Уганде, но и в Британской Восточной Африке.

** О войне с племенами матабеле можно прочитать в переведенной мной книге британского генерал-лейтенанта Роберта Баден-Пауэлла «Война в Южной Африке». Два тома этой книги доступны в электронном и печатном виде интернет-магазинах Ридеро, Литрес и Озон – А.С.*

На следующее утро мы двинулись дальше, и в течение дня нам удалось очень хорошо поохотиться среди большого количества дичи, подстрелив двух антилоп и трех диких кур. Время от времени на некотором расстоянии появлялись буйволы, а также водяные и тростниковые козлы.

Огромные жуки усердно трудились, пересекая дорогу, часто в большом количестве. Крупнейшим представителем этой ветви насекомых является жук-голиаф, которого можно найти по всей Уганде. Конечно, для изучения жизни насекомых нет лучшей страны, чем Центральная Африка. Огромные пауки с паутиной, оказывающей немалое сопротивление путнику, изобилуют в лесах Конго.

Мы все склонны делать очень опрометчивые поступки, путешествуя по диким странам. Одним из самых опасных является путешествие без кровати или москитной сетки. Опять же, людей следует предостерегать от грязных мест для установки палаток, старой сухой и вонючей травы, поскольку они дают приют клещам и «джиггерам». Говорят, что «джиггер» был доставлен на западное побережье Африки в давние времена из какой-то другой экваториальной части земного шара на корабле, потерпевшем крушение. Они впервые были обнаружены на гнилых досках, оставшихся на пляже от разбившегося на скалах корабля. «Джиггер» – это маленькое насекомое, едва заметное невооруженным глазом и прячущееся в песке или на тропинках, часто посещаемых пу-

тешественниками. Он проникает под ногти на пальцах ног и вызывает появление опухоли, вызывающей сильную боль; его можно удалить, проколов волдырь иглой или маленьким ланцетом и выдавив насекомое. Я рекомендую после этого промывать рану марганцовокислым калием. Я замечал «джиггеров», в основном, в Уганде и старался не ходить босиком и не сбрасывать носки на землю, так как носки – их излюбленное место отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.